

Секреты

Тайна двух столиц

Перейра

Себастьян Перейра
Тайна двух столиц

«Автор»

2026

Перейра С.

Тайна двух столиц / С. Перейра — «Автор», 2026

Правда не лечит. Она лишь меняет декорации. Из московского зноя — в петербургскую сырость. Город, который умеет хранить тайны, но иногда слишком быстро их открывает. Здесь камеры смотрят не на улицы, а в душу. Здесь друг может стать тенью, а тень — единственным, кому ты веришь. Человек в чёрных очках ведёт свою игру. Он не ищет преступника. Он ищет то, что ты боишься найти в себе. Это история о системе, созданной для защиты, которая однажды начинает следить за тобой. О двух столицах — двух безднах, между которыми ты пытаешься устоять. И о выборе, который остаётся, даже когда кажется, что его нет. Тайна двух столиц не отпустит. Но чем ближе к разгадке, тем меньше хочется её знать.

© Перейра С., 2026

© Автор, 2026

Себастьян Перейра

Тайна двух столиц

Автор: Себастьян Перейра

От автора

Дорогой читатель!

Перед вами вторая часть серии. Если вы уже знакомы с первой книгой, то знаете: я не просто рассказываю историю. Я оставляю следы. Разбрасываю их по страницам, как осколки того самого зеркала, в которых отражается не только сюжет, но и нечто большее — то, что нельзя потрогать, но можно почувствовать.

Во второй книге тайных знаний стало больше. Они разложены среди страниц: в случайных фразах, в жестах героев, в названиях улиц и в тенях, которые отбрасывают фонари. Кто-то уронил ключи — и это не просто неловкость. Кто-то забыл зонт — и это не просто рассеянность. Кто-то стоит на шаг позади — и это не случайность.

Вы снова встретитесь с Георгием. Он прошёл через первую историю, но не стал прежним. Теперь он глава филиала, человек, который привык доверять логике и цифрам. Но город, в который он переехал, живёт по другим законам. Петербург умеет хранить тайны. И иногда он слишком быстро их открывает.

Эта книга о выборе. О том, что каждый день мы принимаем решения, даже когда думаем, что просто идём по улице. О том, что прошлое не отпускает, а будущее уже протягивает руку. И о том, что правда — это сила, но у неё всегда есть цена.

Я прошу вас читать внимательно. Не пропускайте детали. Если вам покажется, что какая-то сцена не имеет значения, — вернитесь к ней позже. Всё, что вы ищете, уже ждёт вас внутри. Пасхалки, отголоски первой книги, предвестники третьей — они рассыпаны по тексту, как звёзды в ночном небе. Их нужно не просто увидеть, а соединить в созвездия.

И помните: мегаполис — это не только стены и улицы. Это люди. Это их судьбы, переплетённые в тугой узел. И иногда, чтобы понять город, нужно заглянуть в его тени.

Пришло время погрузиться в тайну. А если вы найдёте связь между зонтом, забытым в гостинице, и мостом, который герой пересекает в финале, — значит, вы научились слышать этот город.

С искренним уважением,
Себастьян Перейра

«Тайна двух столиц»

Рабочий день закончился. Георгий вышел из спортзала и сел за руль автомобиля. Санкт-Петербург, когда-то носивший гордое имя Ленинград, раскинулся перед ним в предвечерней дымке. День уступал место сумеркам, и город начинал дышать иначе, глубже, тише, будто сбрасывал дневную суету и готовился к чему-то сокровенному.

Он ехал по Петроградской стороне, где располагался офис филиала. Улицы здесь были широкими, но уже не шумными, час пик миновал, и поток машин поредел. За окном проплывали старинные дома с лепниной, вывески кафе, витрины, за которыми ещё горел свет. Некоторые окна уже светились тёплым, уютным светом там, где хозяева вернулись в свои квартиры, разогревали ужин и включали телевизоры. А где-то стёкла оставались тёмными, пустыми, так

как люди ещё не добрались домой, задержались на работе или бродили по городу, не в силах расстаться с его медленно угасающим светом.

Георгий пересёк Тучков мост. Отсюда, с моста, открывался тот самый петербургский простор, ради которого стоило здесь жить. Нева катила свои серые воды, и в них, как в тёмном зеркале, отражались фонари, фасады, шпили. Вдали, на Заячьем острове, возвышалась Петропавловская крепость. Её шпиль, увенчанный ангелом, пронзал низкое небо, и казалось, будто город держит над собой тонкую иглу, как вечный страж, как знак того, что он выстоял и простоит ещё не одно столетие.

Справа проплывал Васильевский остров, где был его дом. Васька, как называли этот остров местные. Здесь Георгий снимал квартиру на одной из линий, в старом доходном доме с высокими потолками и узкой лестницей. Он любил этот район за его особую, непарадную красоту, ровные проспекты, дворы-колодцы, неожиданные тихие скверы, где пахло сыростью и тополями. Остров жил своей жизнью, размеренной, неторопливой, чуть отстранённой от суеты туристического центра.

Небо над городом было хмурым. Тучи висели низко, тяжёлые, набухшие влагой, но дождя пока не было. Где-то далеко, на западе, между туч проглядывала полоса заката, она была бледно-оранжевая, размытая, как прощальный луч солнца, которое уже ушло, но оставило после себя след. Этот дальний свет придавал городу тревожную, почти театральную красоту: тёмные силуэты домов, чёрная вода, редкие огни в окнах и над всем этим тяжёлое, предгрозовое небо.

Георгий свернул на набережную Макарова. Здесь движение стало совсем тихим. Он опустил стекло, и в салон ворвался влажный балтийский ветер, пахнувший рекой, камнем и осенью, которая уже угадывалась в воздухе, хотя до неё было ещё несколько недель. Он ехал не торопясь, поглядывая на дома, на окна, на редких прохожих, кутаившихся в куртки. Город затихал. И в этом затишье было что-то правильное, почти целительное.

Он думал о том, как странно устроена жизнь. Ещё год назад он не предполагал, что будет жить здесь, на Васильевском, что станет главой филиала, что Москва останется где-то позади, а Петербург примет его в свои сырые, ветреные, прекрасные объятия. Теперь же он чувствовал, что этот город не просто место работы. Он всё больше становился домом.

На одном из домов, старом, с облупившимся фасадом, зажглось окно. Тёплый квадрат света упал на мокрый тротуар. Кто-то вернулся. Кто-то готовился к вечеру. И Георгий вдруг поймал себя на мысли, что очень хочет домой. Туда, где безопасно, где можно снять пиджак, выпить кофе и просто смотреть в окно на тёмные крыши и шпиль Петропавловки.

Он миновал Благовещенский мост, свернул на свою линию. Здесь улица сузилась, дома подступили ближе, и стало совсем уютно. Он припарковался у подъезда, заглушил мотор и ещё несколько секунд сидел, глядя на окна своей квартиры.

Георгий знал: в этот самый час, пока он сидит в машине, «Безопасный город» продолжает работать. Тысячи камер — на перекрёстках, набережных, мостах, во дворах и на площадях — не просто записывали происходящее, а анализировали его в реальном времени. Система распознавала лица, номера, оставленные предметы, скопление людей, резкие движения, дым, огонь, нарушения периметров. Сигнал от любой камеры мог за секунды уйти в дежурные службы: полицию, МЧС, скорую. Георгий знал эту архитектуру до последнего модуля — он сам проектировал её, а теперь его филиал технически поддерживал, обновлял и следил за тем, чтобы система не давала сбоев. Она позволяла мгновенно реагировать на любые изменения, которые могли привести к негативным последствиям. И от этого знания было спокойно: город на Неве не оставался без присмотра. Камеры хранили его покой — молча, незаметно, круглосуточно. Георгий был спокоен за безопасность Санкт-Петербурга.

Город на Неве дышал. Где-то далеко, за крышами, догорала тонкая полоса заката. И Георгий, поднявшись на крыльцо, знал, что завтра будет новый день. Но сейчас только Санкт-Петербург. Только он.

Георгий поднялся по круглой лестнице, да, той самой, что была визитной карточкой старых петербургских доходных домов. Ступени, истёртые тысячами шагов, мягко скрипели под ногами. Перила, холодные и гладкие, помнили прикосновения людей, которых уже нет. На площадках между этажами горел тусклый свет, и тени тянулись вверх по стенам, повторяя его движение. Где-то за дверями слышался приглушённый голос телевизора, а где-то звякнула посуда. Дом жил своей вечерней, укромной жизнью.

Он открыл дверь, вошёл, щёлкнул выключателем. В прихожей стало тихо и уютно. Георгий снял пиджак, повесил его на плечики, разулся, сунул ноги в домашние тапочки. Прошёл на кухню, поставил чайник. За окном, в сгущающихся сумерках, проступал знакомый силуэт Петропавловской крепости, он был тёмный, строгий, вечный.

Он уже хотел налить себе кофе, как телефон на столе показал сообщение от Надежды Александровны.

Он открыл его, прочитал раз, потом ещё раз, и на губах сама собой появилась улыбка. Дмитрий, её сын, едет в Петербург. Стажировка в филиале, первые шаги в большом деле. А вместе с ним Борис и Екатерина. Борис едет согласовывать технические вопросы, Екатерина по финансам. Но для Георгия это значило гораздо больше.

Эти люди были не просто коллегами. Они были частью той, московской, ещё недавней жизни, в которой переплелись работа, дружба, тревоги и общая победа. Борис, со своей вечной растерянностью и добрым сердцем. Екатерина лёгкая, талантливая, с той самой театральной искрой, которая делала её особенной. И Дмитрий, сын Надежды Александровны, которого Георгий знал лишь по рассказам, но уже чувствовал к нему что-то почти отцовское.

Приезд друзей из прошлого всегда похож на мост, перекинутый между двумя временами. Они привезут с собой не только новости, но и запах московских улиц, отголоски разговоров, то самое ощущение, что ты не забыт. Георгий представил, как встретит их на Московском вокзале, как они выйдут на перрон немного уставшие после дороги, но оживлённые, как шумно будут говорить все разом, как Борис станет переспрашивать, а Екатерина смеяться. И от этого внутри стало тепло, по-домашнему спокойно.

Он посмотрел на чайник, который уже начал закипать, потом снова на телефон. Пальцы быстро набрали ответ:

«Обязательно встречу. Петербург всегда готов к гостям».

Георгий отправил сообщение. Отложил телефон. Подошёл к окну. Там, над Невой, висели тучи, подсвеченные далёким закатом. Город замер в ожидании. И в этом ожидании было что-то тревожное и одновременно радостное.

Он почему-то подумал, что эти дни не пройдут просто так. Что вместе с друзьями в его размеренную петербургскую жизнь войдёт что-то новое.

Телефон ожил неожиданно. Резко, требовательно, разрезав тихую атмосферу квартиры. Георгий обернулся, подошёл, взял его в руки. Он подумал: «Надежда Александровна. Наверное, хочет что-то уточнить».

Но это был не её номер.

Звонил Игорь Александрович, его тренер из спортивного клуба.

Георгий провёл пальцем по экрану и поднёс телефон к уху.

— Добрый вечер, Игорь Александрович.

— Георгий, добрый вечер, — голос тренера звучал мягко, но в нём чувствовалась какая-то особая, тщательно скрываемая озабоченность. — Извиняюсь за столь поздний звонок. У меня к вам личный вопрос.

— Да, Игорь Александрович, слушаю вас внимательно.

Тренер помолчал секунду, словно собираясь с духом.

— Георгий, в ближайшую тренировку я хотел бы поговорить с вами тет-а-тет. Либо в компании директора клуба. О проблемах, которые нам непонятны. И мы хотим попросить у вас помощи. Помощи в том, чтобы разобраться в определённой информации. Или, вернее, в обстановке, которая сейчас происходит в клубе.

Георгий нахмурился. Он знал Игоря Александровича давно. Знал, как человека спокойного, выдержанного, не склонного к панике. И если тот звонит вечером, если просит о разговоре, если говорит о непонятной обстановке, значит, действительно что-то случилось.

— Да, конечно, Игорь Александрович, — ответил он ровно. — На самой ближайшей тренировке мы с вами побеседуем.

— Спасибо, Георгий. Я знал, что вы откликнетесь.

— До свидания, Игорь Александрович.

— До свидания, Георгий.

Он убрал телефон, положил его обратно на стол и ещё несколько секунд стоял неподвижно, глядя на тёмный экран.

Что же такое может произойти, — подумал Георгий, — что они не могут разобраться сами?

Он прошёл на кухню, налил себе кофе. За окном сгущались сумерки, город затихал. А в голове уже выстраивалась очередь: что сначала друзья, спортклуб и всё остальное.

Он поставил опустошённый стакан, вернулся в комнату и сел на диван.

Ладно, — подумал он. — Разберёмся постепенно. Вначале друзья. Потом спортклуб.

Наступил день приезда. Георгий стоял на перроне Московского вокзала, когда из-за поворота бесшумно вынырнул «Сапсан» — это длинный, обтекаемый, словно стрела, выпущенная из одной столицы в другую. Поезд мягко притормозил, двери раскрылись, и из вагона, как из тёплого улья, начали выходить пассажиры. А через мгновение он уже видел Бориса, Екатерину и Дмитрия. Они вышли вместе, почти одновременно, и сразу заметили его.

Эмоции накрыли тёплой волной. Екатерина замахала рукой, Борис, как всегда, чуть не споткнулся о собственную сумку, а Дмитрий — высокий, светловолосый, с той же цепкостью в глазах, что и у матери, шагнул вперёд первым. Георгий пошёл навстречу, и через несколько секунд они уже обнимались, хлопали друг друга по плечам, жали руки, смеялись и говорили одновременно, перебивая друг друга.

— Ну наконец-то! — выдохнул Борис, поправляя лямку рюкзака.

— Георгий! Ты как здесь? Как город? — Екатерина сияла, глаза её блестели от радости.

— Дядя Георгий, мама просила передать, что у неё всё хорошо, — сказал Дмитрий, и в его голосе прозвучала та самая сдержанная теплота, которая выдавала в нём сына Надежды Александровны.

— Благодарствую, Дмитрий! — ответил Георгий и пожал ему руку.

Георгий не мог сдержать улыбку. Он отвечал коротко, скромно, но в душе его распирало от счастья. Эти люди были не просто гостями. Они были осколками его московской жизни, его прошлого, которое он не хотел терять. И вот теперь это прошлое стояло рядом, дышало, смеялось, задавало вопросы и наполняло вокзал той самой живой, человеческой суетой, которой ему так не хватало.

— Как доехали? — спросил он, оглядывая их.

— Отлично! — отозвалась Екатерина. — Четыре часа — и ты в другом мире. Борис, правда, два раза ходил к вагону-ресторану.

— Я просто проверял, есть ли там круассаны, — смутился Борис. — Ну, чтобы сравнить с нашими.

— Они же московские! — сказал Дмитрий.

И все дружно засмеялись.

— Давайте-ка сначала устроимся, — предложил Георгий, подхватывая одну из сумок. — Отдохнёте с дороги, разберёте вещи. А потом уже будем строить планы. Санкт-Петербург сегодня как раз показывает себя с хмурой стороны, что самое время для неспешных разговоров.

— Ну уж нет, — Екатерина взяла его под руку. — Ты сначала расскажи. Как ты? Где бываешь? Что смотришь? Мы же соскучились!

— Да-да, — поддержал Борис. — Ты-то как? Небось, уже все мосты пешком обошёл?

— И не только, — парировал Георгий.

Георгий одарил улыбкой. Вопросы сыпались, как из рога изобилия, и от них становилось легко. Он не спешил отвечать на все сразу, только качал головой и посмеивался. Но в глубине души, в той самой, куда он редко кого пускал, было очень хорошо. По-настоящему хорошо. Потому что рядом снова были те, кого он знал и кому доверял. А это в жизни, пожалуй, и есть самое важное.

Гостиница находилась в двух шагах от филиала, невысокое, но уютное здание на тихой улице, с вывеской, горевшей мягким жёлтым светом. Георгий выбрал её не случайно, так гостям не придётся тратить время на дорогу, а вечерами можно было прогуливаться до набережной или заходить в маленькие кафе, которых вокруг было в достатке.

Они вошли в холл. Тёплый свет лился с потолка, мраморный пол отражал его, как спокойная вода. Портёж вежливо улыбнулся, быстро оформил документы и выдал ключи. Всё шло гладко, по-деловому, пока Борис не шагнул по лестнице.

Раздался звонкий, почти музыкальный грохот — это выпали ключи. Они ударились о мрамор, рассыпались и, подпрыгивая, одна за другой заскользили вниз по ступенькам. Одна, вторая, третья... Каждая будто нарочно выбирала свой маршрут, разлетаясь в разные стороны. Борис охнул, рванулся следом, но тут же сам едва не поскользнулся. Он неловко сбежал вниз, присел, начал торопливо собирать ключи, роняя их снова.

Георгий и Екатерина переглянулись. Первой не выдержала Екатерина, её смех, звонкий и заразительный, разлетелся по холлу. Георгий тоже не смог сдержаться: он улыбнулся, глядя, как Борис, красный от смущения, поднимается по ступеням, прижимая к груди железных непоседливых «друзей», как величайшее сокровище.

— Ну и что вы ржёте? — пробормотал Борис, но и сам уже улыбался, виновато поглядывая то на Георгия, то на Екатерину, то на Дмитрия. — Я просто хотел проверить, скользкий ли пол.

— И как, проверил? — сквозь смех спросил Георгий.

— Проверил. Очень скользкий. Особенно для тех, кто торопится.

Екатерина уже вытирала слёзы, прислонившись к перилам.

— Борис, я не могу! Ты и здесь такой же! — воскликнула она. — Москва, Петербург, а ты везде одинаковый. Это уже не черта характера, это стихийное бедствие!

— Это моя фирменная черта, — гордо ответил Борис, поправляя воротник. — Она придаёт мне шарм.

— Шарм? — переспросил Георгий. — Скорее, грохот.

Все трое снова покатались со смеху. Холл наполнился эхом их голосов, и даже портёж за стойкой невольно улыбнулся, наблюдая за этой сценой.

И только Дмитрий стоял чуть в стороне и растерянно переводил взгляд с одного на другого. Он ещё не знал этой игры, этих привычек, этих шуток, рождённых совместной работы и дружбы. В его глазах читалось лёгкое недоумение, что смешного в упавших ключах? Почему взрослые люди хохочут, как дети? Он не понимал, но интуитивно чувствовал, что это не про ключи. Это про что-то большее, про свою, особенную связь, в которую его пока не посвятили.

Георгий, заметив его растерянность, махнул рукой.

— Дмитрий, привыкай. Это Борис. Человек, который может потерять всё, кроме совести. Но если ключи упали, то жди удачи. У нас так принято.

— Серьёзно? — недоверчиво спросил Дмитрий.

— Серьёзно? — удивлённо спросил Борис.

— Абсолютно, — подтвердила Екатерина. — Падение ключей Бориса — лучшая примета. Значит, всё сложится хорошо.

Борис наконец поднялся, сунул ключи в сумку, отряхнулся и под общий смех направился к лифту.

— Всё, хватит, — проворчал он, но в голосе не было ни капли обиды. — У меня важная миссия. Я приехал решать технические вопросы, а не выслушивать насмешки.

— Технический вопрос — удержать ключи в руках, — не сдавался Георгий.

Борис обернулся и, не выдержав, сам расхохотался.

Так, под смех и тёплые шутки, они и поднялись на свой этаж. Гостиница приняла их, а город за окном, казалось, тоже слушал эту сцену и улыбался. Впереди были выходные, встречи, разговоры. А пока только это мраморный пол, разлетевшиеся ключи и дружеский хохот, который согревал лучше всякого петербургского чая.

Поднявшись на этаж, они остановились у дверей номеров. Борис всё ещё проверял ключи в кармане своей сумки, словно боялся, что они снова выпадут. Екатерина поправляла волосы, поглядывая в зеркало в конце коридора. Дмитрий стоял у окна и смотрел на незнакомый город, который за стеклом уже зажигал первые вечерние огни.

— Ну что! — Георгий глянул на часы, — сейчас отдыхайте. А вечером заеду за вами. После спортзала.

— Спортзал? — Екатерина обернулась. — Ты даже тут не изменяешь своим привычкам?

— Здесь особенно. Воздух другой, нагрузки лучше переносятся, — улыбнулся он.

— Главное, чтобы нас в ресторан пустили после твоего спортзала, — хмыкнул Борис. — А то вдруг ты такой уставший, что уснёшь за столом.

— Не дождёшься, — отозвался Георгий. — Это вы с дороги, а я в форме.

— Ой-ой-ой, — протянула Екатерина. — Посмотрим вечером, кто первый попросит счёт.

— Я точно не попрошу, — Борис поднял руку, как на голосовании. — Я голодный, как после разгрузки вагона, но счёт — не мой конёк.

— А я как после репетиции, — поддержала Екатерина.

— А я просто за компанию, — негромко сказал Дмитрий и впервые улыбнулся.

Георгий перевёл на него взгляд и кивнул.

— Вот и договорились. Отдыхайте. Я заберу вас около восьми. Ресторан здесь недалеко, на набережной. Посидим, поговорим по-человечески.

— По-петербургски, — поправила Екатерина.

— Пусть так, — сказал Георгий.

Они разошлись по номерам. Щёлкнули замки, зажглись лампы, зашумела вода в ванной. Георгий ещё пару секунд постоял в коридоре, прислушиваясь к этим звукам таким простым, домашним, живым. Потом вышел на улицу, сел в машину и поехал в спортзал.

До вечера оставалось несколько часов. Город дышал сыростью, но дождь пока не начинался. Где-то над Невой снова сгущались тучи, и в этом было что-то правильное. Питер не обещал лёгкой прогулки, но обещал настоящий праздничный вечер.

Впереди был спортзал, разговор с тренером, а потом встреча с друзьями. И Георгий, сворачивая к мосту, почему-то подумал, что сегодняшний вечер запомнится надолго. Может быть, из-за смеха в гостинице. Может, из-за того, что снова рядом друзья.

А может, из-за чего-то, что ещё не наступило.

Георгий приехал в спортзал, когда дневная суета уже схлынула. На входе его встретил привычный полумрак, прохладный воздух с лёгким запахом хлорки и резины. Он кивнул адми-

нистратору, прошёл в раздевалку, переоделся, но на тренировку не торопился. Ещё по дороге он чувствовал, что что-то сегодня будет иначе. Возможно, из-за гостей, возможно, из-за города, который с самого утра наливался предгрозовою тяжестью.

Едва он вышел в зал, как его окликнули.

— Георгий! Можно тебя на минутку?

Это был директор спортивного клуба Михаил Степанович, мужчина лет пятидесяти, подтянутый, с седыми висками и внимательными, чуть усталыми глазами. Рядом стоял тренер Георгия, Игорь Александрович, моложе, широкоплечий, с вечным полотенцем на шее и цепким взглядом человека, который привык считать людей по походке.

— Конечно, — Георгий подошёл.

— Пройдём в кабинет, — Михаил Степанович коротко глянул на Игоря Александровича, и тот кивнул.

В кабинете было тесно, но уютно: стол, заваленный бумагами, на стене грамоты, на подоконнике кубок с прошлогодних соревнований. Михаил Степанович опустил в кресло, тренер присел на край стола, а Георгий занял стул, напротив.

— Ты уж извини, что отвлекаем, — начал директор клуба, потирая переносицу. — Но разговор, сам понимаешь, не для зала.

— Я весь во внимании.

— У нас тут ситуация, — продолжил он. — Клиенты уходят. Не все, но тенденция тревожная. Кто-то не продлевает абонемент, кто-то вообще бросает занятия. Даже бесплатные пробные тренировки не помогают удержать. А ведь мы всегда этим гордились, что пришёл человек, позанимался и остался.

— И ведь вежливые все, — подал голос Игорь Александрович. — Тренеры у нас никогда не хамят, стараются. Я сам с новичками вожусь, объясняю, поддерживаю. А результат всё равно, будто что-то в воздухе висит.

Георгий посмотрел с одного на другого.

— А что именно говорят? Или молчат?

— В том-то и дело, что молчат, — Михаил Степанович развёл руками. — Улыбаются, кивают, а потом просто перестают ходить, как будто и не приходили. Я уж и опросы делал, и лично разговаривал. Всё вроде хорошо, а потом раз, и нет человека.

— А слухи? — спросил Георгий. — Вы упомянули, что среди клиентов ведутся какие-то разговоры.

Игорь Александрович и Михаил Степанович переглянулись.

— Есть у меня подозрение, — медленно произнёс Игорь Александрович. — Кто-то будто подогревает недовольство. Исподтишка. Может, наговоры, может, просто недовольство чем-то, о чём вслух не говорят. Но атмосфера изменилась. Сам чувствуешь?

Георгий задумался. Он действительно замечал, что в последние недели в зале стало тише. Меньше смеха, меньше разговоров у тренажёров. Люди занимались и уходили, не задерживаясь. Раньше он объяснял это осенью, погодой, занятостью. Но, возможно, дело было глубже.

— И чего вы от меня хотите? — спросил он.

— Ты человек со стороны, но свой, — сказал директор. — Аналитический ум у тебя, я знаю. Посмотри, что о нас пишут в интернете, на форумах, в социальных сетях. Может, найдёшь зацепку. И пообщайся неформально с кем-нибудь из постоянных клиентов. Тебе больше доверят, чем нам.

— Я не частный детектив, — усмехнулся Георгий, но без иронии.

— Знаю, — Михаил Степанович посмотрел ему прямо в глаза. — Поэтому и прошу. Потому что ты не детектив, а человек, который умеет слушать. И думать. Ты просто один из клиентов. А нам сейчас это нужнее всего.

Игорь Александрович подошёл к окну, приоткрыл жалюзи. В кабинет ворвался серый петербургский свет.

— Я тоже так считаю, — тихо сказал он. — Что-то не так, Георгий. И чем быстрее мы это поймём, тем лучше.

Георгий медленно кивнул.

— Хорошо. Посмотрю. Только у меня сегодня гости из Москвы, так что не обещаю быстрых результатов.

— Какие гости? — оживился директор.

— Друзья. Коллеги. Приехали по делам филиала.

— Вот и славно, — Михаил Степанович впервые улыбнулся. — Отвлечёшься, а заодно и взгляд со стороны потом будет, более свежий. А мы пока подготовим тебе список тех, с кем можно поговорить.

Георгий поднялся.

— Список — это хорошо. Списки я люблю.

— Знаю, — хмыкнул Игорь Александрович. — Потому и зовём тебя.

Они попрощались, и Георгий отправился на тренировку. Но теперь каждый тренажёр, каждое лицо в зале он видел иначе. Будто смотрел сквозь стекло, за которым пряталось что-то, чего он пока не понимал. Что-то, что смотрело на него из тёмного угла и не торопилось выходить на свет. Впрочем, он не спешил с выводами. Сначала гости, а потом разговоры. А дальше будет видно.

Георгий вышел из спортзала в серые сумерки. Тренировка не принесла обычной лёгкости, так как мысли были заняты разговором с директором клуба и тренером. Он сел в машину, завёл мотор и выехал на набережную. Город лежал перед ним, как сложный лабиринт, где мокрый асфальт блестел, фары выхватывали из тумана гранитные парапеты, а над Невой висели тучи, подсвеченные далёким закатом. Где-то впереди, за мостами, ждали друзья.

Георгий подумал о том, что скажет друзьям при встрече. Наверняка они спросят, как прошёл день. Он, скорее всего, отшутится. Но внутри будет помнить о том, что впереди не только ресторан и разговоры, но и нечто большее. И в этом ему придётся принять решение.

Вот и гостиница показалась впереди. Окна светились тёплым светом. Там, за занавесками, Борис наверняка уже пересчитывал ключи, Екатерина примеряла вечернее платье, а Дмитрий смотрел в телефон. С этими мыслями он подъехал к зданию.

Георгий припарковался, вышел из машины и поднял воротник. Морось усилилась, но он не раскрыл зонт. Пусть дождь смывает усталость и грусть. Впереди был вечер, ресторан, разговоры.

Он толкнул дверь гостиницы и шагнул в тепло.

Георгий вошёл в холл гостиницы, стряхнул с плеч мелкие капли и огляделся. У стойки администратора было пусто, только слышно было, как где-то наверху гудит лифт. Он уже собирался подойти к лестнице, когда заметил Бориса и Екатерину. Они сидели в мягких креслах у окна. Борис, как всегда, что-то нервно крутил в пальцах и на этот раз это был ключ от номера, который то и дело норовил выскользнуть. Екатерина, напротив, держалась спокойно, но взгляд её то и дело уходил к входной двери, будто она ждала кого-то ещё.

— Ну наконец-то! — Борис поднялся первым, и ключ, разумеется, снова звякнул об пол. Он торопливо поднял его, виновато улыбнулся и сунул в карман. — Мы уже думали, ты застрял где-нибудь между мостами.

— Или передумал нас кормить, — Екатерина встала и поправила шарф. — А мы уже начали составлять план Б.

— Это какой? — Георгий улыбнулся, подходя ближе.

— Такси до ближайшей чебуречной, — серьёзно ответила она. — Но раз ты здесь, пусть будет ресторан.

Георгий пожал Борису руку, Екатерине коротко кивнул, стараясь уловить их настроение. Оба выглядели оживлёнными, но в воздухе висела какая-то недосказанность. Он сразу почувствовал это.

— А где Дмитрий? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал буднично.

Борис и Екатерина переглянулись. Первой заговорила Екатерина:

— Он передал, что у него появились неотложные дела. Сказал, чтобы не ждали. Будет на телефоне.

— Неотложные дела? — Георгий приподнял бровь.

— Ну, ты же его знаешь, дело молодое, — Борис развёл руками и тут же едва не задел лампу на століке. — Сказал, что это быстро, и что он сам наберёт, если что. Но выглядел он...

— Борис замялся, подбирая слово, — взволнованным, что ли.

— Взволнованным? — переспросил Георгий.

— Скорее, собранным, — поправила Екатерина. — Как будто что-то случилось, но он не захотел вдаваться в подробности. Мы решили не спрашивать, если сам не рассказывает.

Георгий медленно кивнул. Внутри у него снова шевельнулось то самое смутное чувство, которое не оставляло его после разговора с директором спортивного клуба. Город, тучи, разговоры о клиентах, а теперь ещё и Дмитрий, исчезнувший по «неотложным делам». Всё это складывалось в неясный, но тревожный узор.

— Ладно, — произнёс он наконец. — Раз он просил не ждать, значит, поедет втроём. Надеюсь, он действительно будет на связи.

— Будет, — уверенно сказала Екатерина. — Он не из тех, кто пропадает просто так. Дмитрий, может, и молод, но слово держит.

— Главное, чтобы он не забыл поесть, — вставил Борис, и по его лицу было видно, что он и сам не прочь уже оказаться за столом. — А то все дела делами, а ужин по расписанию.

Георгий не сдержал короткого смешка.

— Ну хоть в этом ты стабилен, Борис.

— А что? Голодный человек — это злой человек. Или, наоборот. Я всегда путаю.

— Злой и голодный это твои два состояния, — подхватила Екатерина. — Причём первое бывает только до обеда.

Борис сделал вид, что обиделся, но уголки губ его всё равно ползли вверх.

Они направились к выходу. Георгий чуть задержался, бросив взгляд на входную дверь, за которой город жил своей жизнью. Где-то там, в этом влажном, сером городе, Дмитрий шёл по своим неотложным делам.

Он догнал Бориса и Екатерину уже у машины. Екатерина поправляла воротник, Борис пытался открыть дверь.

— Вот скажи, Георгий, — проворчал он, усаживаясь на заднее сиденье, — ты в Питере уже столько времени, а до сих пор не научился вызывать хорошую погоду?

— Это не ко мне, — Георгий завёл мотор. — Погодой здесь заведуют те, кто повыше.

— Значит, будем греть себя изнутри, — весело отозвалась Екатерина. — Ресторан ведь с панорамным видом?

— С панорамным, — подтвердил Георгий.

— Тогда поехали. А то я уже начинаю скучать по московской суете.

— По московской суете? — Борис изогнул бровь. — Ты же хотела спокойствия.

— Хотела. Но когда тихо, хочется, чтобы было чуть-чуть шумно. Это нормально.

— Значит, тебе с нами скучно? — Георгий глянул в зеркало.

— С вами не соскучишься. Особенно когда Борис что-нибудь роняет.

— Привыкай, Екатерина, это город спокойствия и размеренности, — сказал Георгий, положив руки на руль.

Борис возмущённо фыркнул, и машина тронулась с места. За окнами поплыли мокрые улицы, отражения фонарей в лужах, тёмные громады домов. В салоне пахло теплом и лёгким ароматом духов Екатерины.

Они выехали на набережную. Впереди, над Невой, тучи начали медленно расходиться, и в просвете мелькнул бледный ломтик заката. Словно город решил показать, что даже в самом хмуром дне есть место свету. Георгий невольно улыбнулся.

Ресторан встретил их приглушённым светом, запахом свежего хлеба и негромкой музыкой, доносившейся откуда-то из-за закрытой сцены — тихая и спокойная мелодия. Столик у окна, который заказал Георгий, смотрел на Неву. Вода отражала огни, и казалось, что за стеклом течёт не река, а тёмное зеркало, в котором дрожат фонари.

Они расположились. Борис, едва сев, начал разглаживать салфетку, будто от этого зависело всё его настроение. Екатерина, напротив, откинулась на спинку стула и с любопытством разглядывала зал. Георгий заказал ужин и, откинувшись, посмотрел на друзей.

— Ну, рассказывайте, — начал он. — Как там Москва?

— Москва — как всегда, — Борис усмехнулся. — Строится, шумит, не стоит на месте. Новые развязки, дома, какие-то бесконечные стеклянные башни. Едешь по городу и будто в будущее попал. Одним словом, сказка.

— А мне Москва нравится, — подхватила Екатерина. — Я недавно была на Патриарших, так там так тихо и красиво стало. Вроде в центре, а идёшь, как по маленькому городу. И ресторанчики, и зелень.

— Строятся новые районы, — продолжил Борис, — это хорошо. Но вот эта история с высокоскоростной магистралью, это вообще что-то невероятное. Ты слышал, Георгий? Говорят, между Москвой и Питером запустят такой поезд, что весь путь займёт два с половиной часа.

— Слышал, — Георгий кивнул. — Тогда и я к вам в Москву буду ездить, как на дачу, для смены обстановки.

— А мы к тебе — как в гости на ужин, — Екатерина улыбнулась. — Представляете, вышел утром из дома, к обеду уже на Невском. Это же просто превосходно.

— Вот бы всю матушку Россию такими поездами оснастить, — задумчиво произнёс Борис. — Чтобы расстояния не разъединяли, а наоборот. Чтобы люди друг к другу тянулись, а не боялись дороги.

— Это ты хорошо сказал, — серьёзно ответил Георгий. — Дорога — она ведь не просто рельсы. Это возможность.

Екатерина отпила воды и мечтательно посмотрела в окно.

— А ещё мы обязательно должны сходить в Эрмитаж. Я в Москве так и не выбралась в главный музей, а тут — такой простор. Георгий, ты ведь был?

— Был. Но каждый раз, как первый. Эрмитаж — это не музей, это целый мир. Который познавать и познавать.

— Вот и я о том же, — Екатерина оживилась. — В Питере вообще всё по-другому. Даже воздух какой-то... музейный, что ли. Идёшь по набережной, а вокруг — история.

— Ты ещё по крышам не лазила, — усмехнулся Борис.

— Это ты у нас по крышам лазишь, — парировала она. — Вечно куда-то лезешь, а потом ключи роняешь.

— Между прочим, мои ключи — это уже легенда, — гордо заявил Борис.

— Легенда, с которой мы все живём в страхе, — добавил Георгий.

Все рассмеялись. Ужин принесли быстро. Они ели, переговариваясь о всём: о московских новостях, о работе, о планах на неделю. Борис рассказывал про новый проект, Екатерина — про театральные пробы. Георгий слушал их и ловил себя на мысли, что вот оно простое

человеческое счастье, просто сидеть с близкими, говорить о пустяках и чувствовать, что ты на своём месте.

Когда официант убрал тарелки, Георгий откинулся на стуле и с лёгкой улыбкой, почти шутливо, но с той самой ноткой иронии, которая говорила, что вопрос не совсем праздный:

— Ну, а когда свадьба?

Повисла короткая, но очень выразительная пауза.

Борис, который в этот момент подносил к губам бокал с водой, чуть поперхнулся и поставил его на стол слишком резко. Екатерина замерла, опустила глаза, и на её щеках проступил лёгкий румянец, да тот самый, который не спутать ни с чем.

Они не ответили. Ни «да», ни «нет», ни «отстань». Просто молчали. И в этом молчании было столько недосказанного, что Георгий всё понял без слов.

Он улыбнулся, перевёл внимание на окно, за которым всё так же мерцала Нева, и не стал продолжать. Зачем? Иногда лучший ответ — это пауза.

— Ясно, — протянул он негромко. — Значит, всё ещё впереди.

Борис фыркнул, пытаясь изобразить невозмутимость, но уши его предательски покраснели. Екатерина так и не подняла глаз, но на губах её блуждала тихая, смущённая улыбка.

Георгий даже почувствовал, как они под крышкой стола взялись за руки и как между ними прошёл безмолвный разговор. Он подозвал официанта и попросил счёт. Вечер только начинался, но теперь он точно знал, что у этих двоих всё не просто так и самое лучшее ещё впереди.

Друзья вернулись в гостиницу, когда город уже светился огнями, а Нева отражала их, как тёмное зеркало, переливая свет в своих волнах. Дмитрий так и не появился за вечер ни в ресторане, ни на прогулке. Георгий не стал его искать. Он понимал, что, если человеку нужно время, его надо дать. Он попрощался с Борисом и Екатериной в холле гостиницы и отправился домой, оставив их одних.

Утро следующего дня выдалось ясным. Георгий приехал в филиал раньше всех, открыл кабинет, запустив кофемашину, варить ему кофе. Но не успел он сделать первый глоток, как в холле послышались голоса звонкие, перебивающие друг друга.

Это были Борис и Екатерина.

Они вошли в офис, продолжая начатый ещё на улице разговор. Екатерина что-то эмоционально рассказывала, размахивая руками. Борис слушал, но то и дело вставлял свои замечания, и от этого разговор становился ещё более живым.

— Георгий! — Екатерина первой заметила его и направилась навстречу. — Ты даже не представляешь, что мы вчера видели!

— Ну, рассказывайте, — он улыбнулся, отставляя чашку.

— Мы пошли гулять, после того как расстались в гостинице, Борис, конечно, хотел спать, но я его уговорила, — начала она, и глаза её загорелись. — Просто вышли из гостиницы и пошли, куда глаза глядят. И знаешь, куда мы попали? На развод мостов! Мы стояли на набережной, и прямо перед нами Дворцовый мост начал подниматься. Это было... — она запнулась, подбирая слово, — это было волшебно.

— Мы чуть не опоздали, — вставил Борис. — Екатерина хотела сначала зайти в кафе, но я сказал, что нет, сначала мосты. И оказалось, что я прав.

— Ты прав, — согласилась Екатерина. — Ты был прав.

— Это редкость, — усмехнулся Георгий — в Санкт-Петербурге, хотя и про мосты тоже.

— Очень смешно, — Борис сделал вид, что обиделся, но тут же улыбнулся. — А потом мы наткнулись на какое-то маленькое выступление. Уличные музыканты. Играли что-то из старых фильмов. И знаешь, там была такая атмосфера... Мы стояли и слушали, а вокруг были люди, огни, Нева. Я даже забыл, что на улице прохладно.

— А я замёрзла, — добавила Екатерина. — Но это было того стоит.

Георгий слушал их и улыбался. Внутри разливалось что-то тёплое. Он видел, что они счастливы. Что этот вечер, этот город, эти мосты и музыка сделали для них то, чего не смогли сделать ни разговоры, ни работа. Они просто были вместе. И были счастливы.

— Спасибо, что рассказали, как-нибудь последую вашему примеру, — сказал он. — Я рад, что у вас всё получилось.

В этот момент в дверях офиса появился Дмитрий.

Он вошёл, как будто не было ни ночного отсутствия, ни молчания, ни вопросов. Свежий, подтянутый, с той самой лучезарной улыбкой, которая не оставляла сомнений: этот человек провёл ночь не просто так.

Екатерина первая заметила его. Она обернулась, посмотрела на него и прищурилась.

— Так, — протянула она, скрестив руки на груди. — И кто это у нас здесь? Кто такой, счастливый, что глаза светятся?

Дмитрий не ответил. Только улыбнулся ещё шире.

Борис подхватил.

— Наверное, одна из питерских красавиц, — он покачал головой с видом знатока. — Увела у нас Дмитрия. Мы тут переживали, а он, оказывается, на свидании был.

— Никто меня не уводил, — Дмитрий попытался отшутиться, но голос его выдавал. Он и сам не мог сдерживать улыбки. — Просто дела.

— Дела, — фыркнула Екатерина. — Мы знаем эти дела.

— Ну, может, и дела, — Дмитрий развёл руками. — Но хорошие.

Он подошёл ближе, к Георгию. Тот смотрел на него внимательно, но без осуждения. Просто ждал.

— Дмитрий, — тихо спросил он, — как всё прошло?

Дмитрий встретил его взор. В его глазах было что-то новое — не просто радость, а спокойная, глубокая уверенность.

— Всё нормально, — ответил он. — Правда, нормально.

Георгий кивнул. Он понял, что Дмитрий расскажет, когда будет готов. А пока достаточно того, что он вернулся. И что улыбается.

— Хорошо, — сказал Георгий. — Тогда предлагаю продолжить обсуждение вопросов. Уже в моём кабинете. За чашкой кофе.

Они прошли в кабинет. Георгий включил кофемашину, достал чашки, расставил их на столе. Борис, как всегда, чуть не опрокинул чашку. Екатерина устроилась в кресле. Дмитрий сел напротив, всё ещё с той самой улыбкой.

Разговор пошёл своим чередом. Обсуждали дела, планы, работу.

Через некоторое время Дмитрий поднялся.

— Георгий, я, пожалуй, пойду — сказал он. — Мне надо заглянуть в отдел разработки. Посмотреть, как работает команда.

Георгий одобрительно кивнул.

— Иди. Если что-то понадобится — я здесь.

Дмитрий вышел. Дверь закрылась. Екатерина проводила его взглядом и снова повернулась к Георгию.

— Он изменился, — сказала она тихо.

— Да, — согласился Георгий. — Изменился.

— Это хорошо?

Георгий отпил кофе. Посмотрел в окно, где над Невой поднималось утреннее солнце.

— Это правильно, — ответил он.

Из холла донёсся резкий, почти визгливый женский голос. Он разрезал спокойный разговор, как пощёчина. Слова звучали громко, срываясь на крик, и доносились даже через закрытую дверь.

— Ты не пара моей дочери! Ты понял меня?! Не пара!

Георгий, Борис и Екатерина одновременно подняли головы.

— Это ещё что? — пробормотал Борис, вставая.

— По-моему, у нас в холле драма, — тихо сказала Екатерина.

Георгий уже шёл к двери. Он распахнул её и вышел в коридор. Борис и Екатерина шагнули следом.

В холле филиала стояла женщина. Невысокая, строго одетая, с прямой спиной и острыми, словно выточенными скулами. В ней чувствовалась та особенная, петербургская порода — благородная, но ледяная. Она стояла напротив Дмитрия, сжимая в руках сумочку, как оружие. Глаза её метали молнии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.